

Политология. Международные отношения

УДК 316.42

Л.А. Фадеева

НАЦИОНАЛИЗМ vs. ГЛОБАЛИЗМ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ¹

Анализируются позиции, взгляды, интерпретации национализма и глобализма в интеллектуальном дискурсе. Обращается внимание на роль публичных интеллектуалов, под которыми понимаются известные ученые, писатели, публицисты и пр., занимающиеся не только профессиональной деятельностью, но и стремящиеся дать критическое осмысление ключевых проблем, доводя их до общественности с помощью публикаций, СМИ, социальных сетей.

Национализм в интеллектуальном дискурсе традиционно связан с пониманием нации как политического сообщества. Вместе с тем интеллектуалы расширяют диапазон интерпретаций за счет характеристики «контргосударственного» национализма, а также постнационализма как реакции на процессы глобализации.

Глобализм в оценке интеллектуалов предстает в качестве политического курса, который является целенаправленным. Критика глобализма как неолиберальной модели глобализации, навязываемой верхушкой западных стран, нарастает как в западном ареале, так и внутри самого Запада.

По мере развития этнорегиональных автономий возникает необходимость в переоценке присущего данным сообществам национализма. Сдерживание его роста со стороны наднациональных структур воспринимается как вариант империализма.

В 2010-е гг. в мире нарастает ожесточенность борьбы по вопросам национализма, возрастание агрессивности его формы. Интеллектуалы оказываются вовлечены в этот процесс, а некоторые из них – стимулируют его. Нарастание ожесточенностей представляет собой серьезную угрозу. Автор считает, что при всем различии идейно-политических взглядов и позиций, интеллектуалам следует избегать нагнетания ненависти и соблюдать принципы интеллектуального общения.

Ключевые слова: национализм, глобализм, интеллектуалы, космополитизм, общественная повестка дня.

Введение

Национализм и глобализм являются, с одной стороны, феноменами нашего времени, с другой – они воспроизводятся в интеллектуальном дискурсе с разными интерпретациями и оценками. При этом существенную роль в данном процессе играют публичные интеллектуалы, то есть те известные и референтные личности, которые считают своим долгом доводить до мнения широкой общественности свою критическую рефлексию по актуальным вопросам, имеющим общественное значение. Речь идет не о реалити-шоу (это принципиально другой жанр, у которого есть свои ценители и критики), а об интеллектуальном дискурсе. Следует оговориться, что сама категория «интеллектуалы» является дискуссионной, а дискуссии часто носят чрезвычайно острый характер, поскольку публичные интеллектуалы видят свою миссию в критическом осмыслении действительности [21. С. 7, 16, 18]. Однако, независимо от дискуссии, которая ведется в интеллектуальной среде, именно интеллектуалы в значительной степени влияют на формирование общественной повестки дня, анализируя и интерпретируя актуальные процессы и проблемы.

Необходимо проследить трансформацию интерпретаций национализма и глобализма в интеллектуальном дискурсе. Можно начать с высказывания классика исследования национализма Энтони Смита, который писал о роли интеллектуалов: «выдвигают и разрабатывают концепты и язык наций и национализма через рефлексию и разные научные изыскания и выражают широкие общественные ожидания в форме подпадающих народных мифов и символов» [34. Р. 93].

Интерпретации национализма

Критическое мышление и рефлексия интеллектуалов порождают разнообразие интерпретаций национализма и его трансформаций. Широкую известность получило предложенное Г. Кюном и рас-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 15-18-00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств».

тиражированное Э. Геллнером деление национализма на этнический и гражданский. Однако оно оказалось далеко неоднозначным и породило серию дискуссий.

Р. Брубейкер предложил учитывать различие между видами национализма, которые он назвал государственно-фреймированным и контргосударственным. Критерием выделения является отношение национализма к государству: в государственно-фреймированном национализме нация конгруэнтна государству, независимо от соотношения «гражданского» и «этнического» компонентов в ее определении. Контргосударственный национализм обозначает наличие некоего политического сообщества, которое претендует на автономность. [30. Р. 144-145]. Такая дефиниция представлялась целесообразной для анализа целого ряда общностей, имеющих сепаратистские и сепессионистские устремления.

Анализируя предложенную Брубейкером дифференциацию, П.В. Панов обращает внимание на то, что картины национализмов в современном мире усложняются, и это требует более глубокого понимания политических сообществ – наций «внутри» одного государства (Канада, Бельгия и т.д.). Он считает необходимым «иметь в виду, что грань между контргосударственным и государственно-фреймированным национализмами достаточно тонкая». В качестве примеров российский исследователь приводит шотландский и каталонский национализмы, которые не так давно можно было интерпретировать, как контргосударственные, но в последние годы «нация воспринимается в рамках государственного фрейма» [10. С. 425-426]. Интеллектуальный дискурс в процессе осмысления национализма (национализмов) давал не только анализ, но и импульс для формирования общественной повестки дня. Существенное значение приобрела «политика памяти», коммеморация, что особенно четко проявилось в ФРГ, поскольку немецкое общество нуждалось в преодолении «бремени истории», в выстраивании позитивной национальной идентичности. Применительно к Европе к началу 2000-х известный французский историк, автор концепции «мест памяти» Пьер Нора имел основание сказать о демократизации памяти, в результате чего произошло смещение национального чувства в иную сферу – оно стало «в меньшей степени утвердительным, чем вопросительным, агрессивно-воинственное сменилось индивидуальным, даже индивидуалистическим».

Одновременно в интеллектуальном дискурсе на рубеже XXI в. появляется теория постнационализма, сторонники которой говорили об изменении содержания «национального» и государственно-го, а также об трансформации понимания нации под влиянием процессов глобализации. Современный мир нередко именуют миром «СВЕРХ – многообразия». Вызовы национализму все чаще возникают со стороны глобализма.

Глобализм и его трактовки

Глобализм первоначально понимался в интеллектуальном дискурсе как тип мышления и право говорить от всего мира. Однако достаточно скоро обнаружилось, что в мире нет нейтральных формулировок, а в интеллектуальном дискурсе – тем более.

Каждое понятие облекается в идеологизированную форму. Известный словенский философ и публичный интеллектуал Славой Жижек вспоминает: «Когда вышла книга Фукуямы «Конец истории», было очень модно высмеивать его. Однако в каком-то смысле мы все были приверженцами Фукуямы. Даже левые, большинство левых, не поднимало фундаментальные вопросы, серьезные вопросы о будущем капитализма или государства. Они просто старались сделать существующую систему более справедливой. И более эффективной» [28]. Влияние идей Фукуямы о завершении борьбы между лагерями полной победой либеральной демократии, его телеологизм стали важной легитимацией и неолиберальной модели глобализации, и американской внешней политики, которую нередко именовали «фукуямовской». Безудержная вера в непреодолимость сил глобальной экономики и ее способности реформировать весь мир создавали основу глобализма как идеологии и политики. Если идеализм автора и его последователей оказался недолговечным, то созданное им идейное кредо до сих пор движет американской политикой.

Против идеи глобализма и глобализации как объективного процесса, не подвластного политическим силам и не имеющего политических целей, первоначально высказались представители «третьего мира», не-западные интеллектуалы. С. Хантингтон нарисовал в «Столкновении цивилизаций» две противоположные картины глобального мира, воспроизводимые на Западе и противостоящие ему. Он предложил назвать процесс противопоставления индигенизацией и высказал суждение, что для незападных обществ глобализм западных стран кажется империализмом [25].

Конкурирующие определения глобализма, представленные в интеллектуальном дискурсе сегодня: «формула мирового господства», «власть ТНК», доминирование неолиберализма. Так или иначе, но глобализм воспринимается и оценивается как политика, приводящая к усилению неравенства и неравномерности. Публикация колоссального по объему и анализу труда Т. Пикетти дает детализированное и обоснованное подтверждение экономического неравенства. Немецкий философ Петер Sloterdijk сделал одно очень тонкое наблюдение о глобализме. Он сказал, что глобализм не означает, что все мы находимся в одном глобальном сообществе. Это ещё и значит, что мы отделены и изолированы от других людей («globe» в «global» также означает «купол», «колпак») [7]. По мнению Славоя Жижека, это все более похоже на сегодняшнюю ситуацию: «Возьмите Лос-Анджелес: есть символический купол Голливуда и Санта-Моники, а потом вы оказываетесь в Инглвуде. То есть, буквально, если вы находитесь в привилегированной части, то вы теоретически знаете о существовании бродяг и бедняков, но вы их не видите, они не часть вашего мира. Вы вспоминаете о них, когда вспыхивают ожесточенные восстания или протесты» [1].

Зигмунт Бауман обращал внимание на то, что глобализм влияет на самые казалось бы нейтральные стороны нашего бытия, например, на взаимодействие людей в социальных сетях. Сети были созданы для того, чтобы расширить горизонты, дать возможность общаться людям с разными взглядами, бэкграундом, идентичностью, опытом, чтобы нарастало культурное разнообразие. Однако в действительности происходит противоположный процесс. Зигмунт Бауман по этому поводу высказывался так: «Настолько легко добавить или удалить друзей в социальных сетях, что человек утрачивает реальные социальные навыки. Большинство людей использует социальные медиа не для того, чтобы объединиться или расширить горизонты, а напротив, чтобы ограничить себя комфортной зоной, где единственные звуки, которые они слышат, это эхо их собственного голоса» [29].

Противоборство интерпретаций и понятий относится и к такому сопряженному с глобализмом понятию космополитизма. Одним из наиболее известных исследователей космополитизма является философ Кваме Энтони Аппиа. Родившийся в Лондоне, выросший в Гане и ставший профессором Принстонского университета Аппиа представляет собой яркий пример гражданина мира, и его интерпретация космополитической идентичности выходит за рамки собственно научного определения, она призвана легитимировать и возвысить понимание этого понятия. «По сути, я утверждаю, что можно быть космополитом – приветствуя многообразие человеческих культур; укорененным – преданным одному (или нескольким) локальному обществу, которое индивид считает своим домом; либералом – убежденным в ценности индивида; патриотом – приветствуя институты государства (или государств), в рамках которого индивид проживает», – декларирует Аппиа [28. Р. 5]. В современном мире проблематика космополитизма, космополитизации, космополитической идентичности тесно вписана в контекст глобализации.

Оценочные суждения, как правило, связаны с тем, как воспринимается сама глобализация – в качестве объективного процесса либо в качестве целенаправленной стратегии элит. Ульрих Бек стоит на первой позиции: «Глобализация – это не чей-то выбор; это анонимная сила. Ее никто не “инициировал”, никто не может ее остановить, и никто не несет за нее ответственности» [4]. Отсюда вытекает его характеристика изменившихся условий конструирования социальной идентичности, которая, на его взгляд, перестала основываться на противопоставлении «нас» и «их» и приобрела бытовой характер, на уровне повседневной жизни. Иная позиция в отношении глобализации приводит и к противоположным выводам о процессах космополитической идентификации, которая оттесняет «на второй план цивилизационную и национально государственную идентификацию, выдвигая вперед индивидуалистическую гражданскую и групповую политическую идентификацию» [12. С. 28].

Трансформация национализма «наций без государств»

Вызовы касаются и трансформации современного национализма. И. Семененко отмечает: «Нации без государств» демонстрируют высокий уровень самоидентификации, основанной на противостоянии государству, в границах которого они существуют, как носителю чуждой, инациональной идентичности. Стремление к созданию собственной государственности, закрепляющей статус суверенной нации, стимулирует рост политического сепаратизма. В государствах, имеющих в своем составе этнотерриториальные автономии, все более широкое распространение получает двойная национальная идентичность, что не исключает сугубой приверженности части граждан «своей» этнонации. Борьба за право на политическую субъектность принимает форму «борьбы за идентичность»

(движение за автономный статус канадского Квебека, за воссоединение Северной Ирландии с Ирландской республикой, за каталонскую государственность и др.) вплоть до этнополитического конфликта» [10. С. 416].

Соответственно, идеи Брубейкера о различении государственно-фреймированного и контргосударственного национализма выглядят по-новому. Как известно, процессы европейской регионализации дали регионам новые возможности для выработки стратегии и формирования сетевого политического взаимодействия с другими регионами. Этому способствовали несколько моментов: определение прав меньшинств в законодательстве ЕС и СЕ, например, Рамочная конвенция СЕ о защите национальных меньшинств, подписанная 1 февраля 1995 г., усиление регионального уровня данного наднационального образования, позитивная оценка автономий в резолюциях Парламентской Ассамблеи СЕ, в частности в резолюции 1334 2003 г. «О позитивном опыте автономных регионов как источнике вдохновения для урегулирования конфликтов в Европе».

В резолюции говорится: «Государства должны противодействовать обострению напряженности путем принятия гибких конституционных или законодательных норм, отвечающих ожиданиям этих общин. Наделение меньшинств собственными полномочиями, которые либо делегируются центральными органами власти, либо применяются совместно с ними, иногда позволяет государству примирить принцип территориального единства и целостности с принципом культурного разнообразия» [Ниццкий договор]. Авторы резолюции сочли необходимым указать, что «автономия – это понятие, которое может вызывать и негативную реакцию... может рассматриваться как угроза территориальной целостности государства».

Ключевой тезис документа, что в современном государстве автономия «должна, скорее, рассматриваться как «внутригосударственное образование», позволяющее меньшинству пользоваться своими правами и сохранять свою культурную самобытность и при этом обеспечивающее определенные гарантии единства, суверенитета и территориальной целостности государства». В резолюции используется понятие баланса, под которым подразумеваются сбалансированные отношения внутри государства между большинством и меньшинством, а также между меньшинствами. Автономный статус всегда должен строиться на основе уважения принципов равноправия и недискриминации. Достижение такого баланса является фактором и показателем успеха автономии».

Однако в действительности все выглядит далеко не идеально. Лидеры ЕС для пресечения сепессионистских целей «наций без государств» достаточно жестко противостоят их национализму. Это проявилось как в ходе подготовки легитимного референдума в Шотландии в 2014 г., так и в отношении к недавнему противоборству каталонцев, проводивших референдум вопреки воле Мадрида. Депутат Европарламента Хосе Мария Террикабрас упрекнул ЕС в том, что он «много разглагольствует о свободе слова и праве нации на самоопределение, но затыкает свой рот в тот момент, когда речь заходит о Каталонии» [33].

Подобно тому, как глобализм оценивается рядом интеллектуалов и политиков в качестве варианта империализма, а политика Европейского союза в отношении этнорегиональных автономий, претендующих на независимость, по ряду параметров характеризуется как имперская, причем с использованием вариантов не только так называемого «культурного империализма», включающего символы и принципы, культурный код, но и методов экономического и политического прессинга.

Нарастание враждебностей

Славой Жижек предостерегает, что «мы, человечество, каждый из нас, приближаемся к серии потенциальных катастрофических проблем и враждебностей. Экология, проблема финансирования и как управлять им, интеллектуальная собственность, кто будет контролировать биогенетику и, особенно, новые формы апартеида в нашем обществе. Говорят, что наше общество становится глобальным, Берлинская стена пала. Да, но везде появляются новые стены, даже в прямом смысле. США и Мексика, Израиль и Западный берег реки Иордан. И так далее» [1]. Относительно жесточенностей мы видим, что словенский философ совершенно прав. Суждения Пьера Нора об ослаблении, если не исчезновении, агрессивно-воинственного национализма оказались преждевременно оптимистичными. Повсеместно – с разной степенью интенсивности – происходит его возрастание. И, к сожалению, интеллектуалы активно участвуют в этом процессе.

В конце 1920-х большую популярность приобрела идея французского мыслителя Ж.Бенда о «предательстве интеллектуалов». Бенда призывал интеллектуалов помнить о гуманистических (обще-

человеческих) ценностях, называя предательством такое их поведение, когда они, усваивая политические страсти, «исполняют свою партию в хоре голосов расовой и политической ненависти» [6]. В России эта книга была опубликована в 2009 г. и оказалась в центре полемики об ответственности современных интеллектуалов [22]. С одной стороны, автора книги и концепта предательства интеллектуалов обвиняют в наивности, с другой – участники дискуссии обращают внимание на то, что «интеллектуалы всегда теперь играют за «своих», причем часто в роли своего рода cheerleaders тех команд, которые реально выступают на поле отнюдь не виртуальной брани [17]. И в том случае, «когда не находится стороны, способной взглянуть на ситуацию с двух сторон, взвесить и оценить все аспекты и все точки зрения, вынести если не объективно правильное, часто объективно невозможное, то хотя бы разумно компромиссное суждение, тогда и именно тогда можно констатировать, что мир движется прямым ходом в сторону гигантской катастрофы. И первейшую ответственность за нее должны нести именно те самые «клерки», которые слишком легко согласились на «предательство» [17].

Нарастание враждебностей, резкий всплеск агрессивного и воинствующего национализма приводит ко все более широкому использованию языка ненависти в современных СМИ и в публичном дискурсе [13]. Такой язык призван принизить людей, обладающих другими взглядами, свести их до положения недо-людей или вообще нелюдей. Известный лингвист Максим Кронгауз, характеризуя современный дискурс, отмечает, что конфликты и участники различаются, а язык ненависти при этом один и тот же, никто не стесняется в выражениях и наклеивании ярлыков, по любому вопросу и по поводу высказываются полярные точки зрения [13]. Зафиксированная в 2014 г. тенденция в последние годы только актуализируется.

В 1927 г. Маяковский писал в духе своего времени:

«И песня, и стих – это бомба и знамя!
И голос певца подымает класс.
И тот, кто сегодня идет не с нами,
Тот – против нас! [34].

Написанное по конкретному поводу стихотворение создало лозунг; эта формулировка пришла к стати в общественной повестке, а вскоре использовалась и как практическое руководство к действиям, к политике, имевшей драматические последствия для миллионов граждан нашей страны. Такая логика была свойственна не только для большевиков. «Враг у ворот; сейчас время повиновения, а не социальных реформ!» так, по словам Жюльена Бенда, власть обосновывает свою позицию, стремясь ограничить демократию, которая по своей сути содержит элементы беспорядка, поскольку обеспечивает свободу [6. С. 22-24].

Назначение интеллектуалов, в предательстве которых он их обвинял, Бенда видел в том, чтобы «поддерживать на вершине всех ценностей свободу личности...Закон интеллектуала – когда все встают на колени перед несправедливостью, превратившейся во властительницу мира, устоять на ногах и противопоставить несправедливости человеческую совесть» [6. С. 33, 71]. Эти взгляды оказываются удивительно созвучны тревогам и опасениям современных интеллектуалов.

Заключение

Интеллектуальный дискурс по проблемам национализма и глобализма выстраивается под влиянием совокупности факторов научного и вненаучного характера. К первым относится потребность в разработке категориального аппарата, методам анализа, типологии национализма, а также необходимость оценить вызовы и последствия глобализации. Вненаучные факторы прежде всего носят политический характер, они обусловлены изменением политической ситуации, расстановки политических сил, политической повестки дня. Это объясняет сложность и противоречивость интеллектуального дискурса. Интеллектуалы (и интеллигенция) представляют собой гетерогенную группу, и различия в идеологических и идейно-политических взглядах и позициях являются одним из наиболее ярких показателей гетерогенности. Следовательно, они представляют общественности разные картины мира, варианты решения проблем, по-разному трактуют процессы и события. Это закономерно, по тому не следует искать злого умысла у носителей противоположных взглядов и тем более стремиться их регламентировать. Но вот язык, методы ведения дискуссии и, в особенности, влияния на общественность, организация интеллектуального дискурса вполне подвержены регламентации с тем, чтобы избежать нарастания губительных враждебностей.

Как известно, Юрген Хабермас разработал универсальные принципы интеллектуального общения: все участники имеют равный шанс на свободное высказывание; в пространстве общения теряют значимость различия социальных позиций; в рамках intersubjectивного взаимопонимания нет места какому бы то ни было принуждению. Представляется, что следование данным принципам интеллектуального общения должно быть категорическим императивом, в особенности, в том, что касается столь сложной проблематики, как национализм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 9 цитат Славоя Жижека. URL: <https://special.theoryandpractice.ru/zizlek>.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс. 2001. 288 с.
3. Бек У. Власть и её оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция. 2007. 464 с.
4. Бек У. Поворот к космополитизму. Жизнь и выживание в обществе всемирного риска // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10, № 4. С. 8–19.
5. Бек У. Признак нового космополитизма. Семь тезисов. URL: http://www.chaskor.ru/article/priznak_novogo_kosmopolitizma_26703
6. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН, 2009. 309 с.
7. Большие идеи: Петер Слотердайк против цинизма и «сучьего смеха». URL: <http://www.furfur.me/furfur/heros/heroes-furfur/216917-sloterdijk>.
8. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
9. ЕС много говорит о свободах, но затыкается, когда речь идет о Каталонии. URL: <https://regnum.ru/news/2305210.html>.
10. Идентичность. Личность. Общество. Политика: энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. 1022 с.
11. История и память в эпоху господства идентичностей. Интервью с Пьером Нора. URL: <https://www.academia.edu/3616236>.
12. Капицын В.М. Космополитизм и цивилизационная идентичность России // Информационные войны. 2010. № 3. С. 24–31.
13. Кронгауз М. Вырабатываются специальные слова ненависти // Новая газета. 2014. 12 сент.
14. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 232 с.
15. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ. 2005. 320 с.
16. Маяковский В. Господин «народный артист». URL: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/istochnikstihov.html>.
17. Межуев Б. По ту сторону двойного стандарта // Известия. 2014. 14 авг.
18. Семененко И.С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 8–23.
19. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
20. Фадеева Л.А. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2012. № 41. С. 108–138.
21. Фадеева Л.А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый хронограф, 2012. 312 с.
22. Фадеева Л.А. Предательство интеллектуалов как ценностная проблема // Идеи и ценности в политике. Политическая наука. Ежегодник 2015 / под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН. 2015. С. 203–214.
23. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 333 с.
24. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2004. 635 с.
25. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
26. Ниццкий договор и Хартия основных прав Европейского Союза / МГИМО(У) МИД РФ, Ин-т европейского права; пер. с фр. Д.В. Луканина; общ. ред. Л.М. Энтина. М.: НОРМА, 2003. 159 с.
27. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. L., N.-Y.: Verso, 1991. 224 p.
28. Appiah K.A. 2006. Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers. L., N.-Y.: Penguin Books, 2015. 196 p.
29. Bauman Z. Social Media are a trap // El Pais. 2016. 25.01.
30. Brubaker R. Ethnicity without Groups. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 284 p.
31. Glenn M. E. Duerr. Secessionism and the European Union: The Future of Flanders, Scotland, and Catalonia. Lanham, MD: Lexington Books, 2015. 226 p.
32. McGarvey, N. and Bradbury, J. (ed.). Devolution, regionalism and regional development: the UK experience. London: Routledge, 2008. 219 p.
33. Revisited the European Union as Empire / ed. by H.Behr, Y.A.Stevachitis. Routledge, 2016. 185 p.
34. Smith A. National Identity. University of Nevada press, 1991. 221 p.

*L.A. Fadeeva***NATIONALISM VS. GLOBALISM IN THE INTELLECTUAL DISCOURSE**

The article is devoted to the intellectual discourse on the problems of nationalism and globalism. The author pays attention to the role of public intellectuals who are well-known academicians, writers, journalists etc., but also critical thinkers analyzing the most important problems and addressing to the wide public through mass media, books and articles, presentations and social media.

Nationalism is connected in the intellectual discourse with the nation as a political community. At the same time, intellectuals tend to widen the interpretations of nationalism taking into account counter-state nationalism and post-nationalism as a feedback on the globalization process.

Globalism is evaluated by intellectuals as a political course targeted by the Western countries. Criticism of globalism as a neoliberal model of globalization, imposed by the leaders of Western countries, is growing both in the non-Western area and within the West itself.

The rise of ethnic regional autonomies and their nationalism makes a new challenge for political elites of the states. Previous course to weaken nationalism of "nations without states" is estimated by them as a kind of cultural imperialism.

2010s became the time of the rise of nationalism in aggressive form. Intellectuals are involved in the process and some of them even stimulate it. It is a big challenge and could be a great threat for the mankind. The author believes that intellectuals can keep their different political views but escape the escalation of hate and should follow the principles of intellectual communication.

Keywords: nationalism, globalism, intellectuals, cosmopolitism, public agenda.

Фадеева Любовь Александровна,
доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой политических наук
ФГБОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: lafadeeva2007@yandex.ru

Fadeeva L.A.,
Doctor of History, Professor,
Head of the Political Science Department
Perm State University
Bukireva st., 15, Perm, Russia, 614990
E-mail: lafadeeva2007@yandex.ru